

Навстречу съезду писателей Удмуртии

Театр и драматург

В последние четыре года удмуртская литература обогатилась новыми романами, повестями, рассказами и поэмами. Но мы, удмуртские драматурги, за это время, скажем прямо, сделали слишком мало. В Удмуртском театре поставлены только четыре новые пьесы: «Чуклор» С. Широкова, «Ясный день» Н. Гаврилова, «Отщепенец» Л. Перовщикова и «На крутом берегу» В. Садовникова. Но и этим пьесам «не повезло». На один спектакль не шел зритель, а другие с непонятной торопливостью снимались с репертуара.

Почему же у наших пьес такая короткая жизнь?

Надо признаться: мы еще редко находим те ключи, которые открывают путь к сердцу зрителя. А путь этот один — создание пьес о нашем современнике, строящем новую, социалистическую жизнь.

Как ни печально, но мы все еще иногда беремся за такие темы, которые зачастую уже отвергнуты жизнью, или избираем основными персонажами тех, кто давным-давно осужден всем строем советской действительности: отщепенцев, пошляков, растратчиков и т. д.

Это, конечно, вовсе не означает, что драматург не должен изобличать пережитки прошлого. Речь идет об умении видеть то новое, что рождается в жизни, чем живет советский человек — строитель коммунизма.

Все еще преобладают в удмуртской драматургии и пьесах об историческом прошлом.

В результате всего этого Удмуртский драмтеатр и самодеятельные коллективы годами ищут полноценную пьесу о советской действительности и, случается, принимают к постановке заведомо слабые произведения. Этим, на мой взгляд, можно объяснить тот факт, что на сцене Удмуртского театра шли такие примитивные пьесы, как «Отщепенец» Л. Перовщикова и «Ясный день» Н. Гаврилова.

Вместе с тем было бы неверно бранить только одних драматургов. Во многом повинен и сам Удмуртский театр, испытывающий репертуарный «голод».

Работники театра говорят: «Нам нужна новая пьеса».

Драматург приносит пьесу, читает ее коллективу актеров. Пьеса вызывает общий интерес, артисты высказывают свои предложения и замечания, дают драматургу ценные советы, к которым он внимательно прислушивается.

После этого автор снова садится за письменный стол: учитывая замечания режиссера и актеров, пишет новые сцены, диалоги и т. д. Наконец, по его мнению, пьеса готова, все замечания товарищей учтены.

Снова читка в коллективе. Снова замечания, предложения, советы. Снова кропотливая работа над «устранением недоделок». Но теперь драматург и сам не знает: получилась пьеса или не получилась? Тем более, что работники театра говорят:

— Знаете, дорогой товарищ, первый вариант, пожалуй, был лучше, вернитесь к нему.

Спрашивается: зачем же переделывалась пьеса?

Такие обсуждения ничего хорошего не дают ни автору, ни театру.

Именно так получалось с пьесой «Далеко-далеко», которую я принес в театр. Мне пришлось читать ее здесь раз пять. Чего хотел от меня театр, его режиссеры — так и осталось неясным.

Бывает и так: судьба новой пьесы зависит от первого выступающего на обсуждении ее товарища. Скажет он: «Плохо!», и остальные с ним молчаливо соглашаются.

Много раз за свою драматургическую жизнь бывал я на обсуждениях своих пьес и пьес моих коллег. И сейчас глубоко убежден, что самой продуктивной была бы предварительная совместная работа над пьесой автора и режиссера до ее коллективного обсуждения в театре. В этом случае у драматурга и режиссера могло бы сложиться единое мнение, которое во многом определило бы дальнейшую судьбу пьесы.

Драматург, как бы талантлив он не был, нуждается в товарищеской помощи и режиссера и творческого коллектива. Об этом забывать нельзя.

И наконец — о росте и воспитании молодых кадров в удмуртской драматургии.

Если для профессиональной сцены можно выдвинуть талантливую молодежь из коллективов художественной самодеятельности, учесть наиболее одаренных кружковцев в театральных студиях, то с молодыми драматургами дело обстоит сложнее.

В настоящее время для Удмуртского театра пишут всего лишь четыре человека. Если даже они ежегодно будут писать по одной удачной пьесе, то и это для театра мало. А сейчас, в связи с реорганизацией

Удмуртского театра в музыкально-драматический, вопрос о молодых драматургах, о создании полноценного репертуара стоит особенно остро.

Мы не можем сказать, что у нас нет способных начинающих писателей. За последние годы выросли новые поэты и прозаики, среди них немало одаренных людей. Но литературная молодежь пробует свои силы в основном в поэзии, а до драмы и комедии охотников пока очень мало. Кто тут повинен: театр и его руководители? Писательская организация или, как говорится, драматурги со стажем? Видимо, те и другие.

Но основная вина, по-моему, должна ложиться на театр, так как судьба той или иной пьесы зависит прежде всего от него.

Несколько лет назад молодой писатель Григорий Симанов написал первую свою пьесу «За Колет-Догом», в которой изобличались прописки империализма на Ближнем Востоке.

Молодой драматург предложил эту пьесу Удмуртскому театру, но его руководители не захотели работать с новым автором. Разве этот факт не говорит о том, что театр и его руководители чужаются молодых драматургов?

Конечно, проще всего выписать наложенным платежом готовую пьесу из Москвы, через отдел распространения Министерства культуры, и поставить ее. Меньше ответственности, меньше возни с драматургом...

Именно такая история случилась с пьесой С. Широкова «У волка своя тропа» в Ижевском русском драматическом театре. Пока эту пьесу театр не получил из Москвы, ее все время отвергали, считали слабой. А когда пьеса прошла через Всесоюзный отдел распространения, театр сразу изменил о ней мнение.

Молодые драматурги не могут расти вне театра. Учитывая это, было бы полезно создать при Удмуртском театре драматургическую секцию. На заседаниях такой секции можно обсуждать новые пьесы, слушать лекции опытных режиссеров и актеров об актерском мастерстве, о законах сцены и драматургии.

Вопросы дальнейшего развития удмуртской драматургии чрезвычайно актуальны, и решать их надо практически. В этом, по-моему, главное.

В. САДОВНИКОВ.